

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.30
УДК 615.859-053.2(571.53)(091)
ББК 51.1(2Р-4Ир)

В.А. ШАЛАМОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЭВАКУАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ ИВАНО-МАТРЕНИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ВО ВРЕМЯ ДЕКАБРЬСКИХ БОЕВ В ИРКУТСКЕ В 1917 Г.

Накануне гражданской войны, в декабре 1917 г., в Иркутске произошел вооруженный конфликт между странниками советской власти и офицерами, юнкерами и казаками. В ходе городских боев артиллерийскому обстрелу подверглась Ивано-Матренинская детская больница. Администрация добилась эвакуации детей в безопасное место. Благодаря воспоминаниям сиделки Н.И. Аникиной выясняются ранее неизвестные обстоятельства эвакуации детей. Выяснились подробности маршрута, обстоятельств пути и хронология событий.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, гражданская война в Сибири, Ивано-Матренинская детская больница, декабрьские события в Иркутске.

V.A. SHALAMOV

UNKNOWN CIRCUMSTANCES OF THE EVACUATION OF CHILDREN FROM THE IVANO-MATRENINSKY HOSPITAL DURING THE DECEMBER BATTLE IN IRKUTSK IN 1917

On the eve of the civil war, in December 1917, an armed conflict broke out in Irkutsk between wanderers of the Soviet regime and officers, cadets and

Cossacks. During the urban battles, the Ivano-Matreninsky children's hospital was subjected to artillery fire. The administration has achieved the evacuation of children to a safe place. Thanks to the memoirs of the nurse N.I. Anikina, the previously unknown circumstances of the children's evacuation are clarified. The details of the route, the circumstances of the journey and the chronology of events were found out.

Keywords: history of health care, history of medicine, civil war in Siberia, Ivano-Matreninsky children's hospital, December events in Irkutsk.

Вооруженный конфликт, произошедший в Иркутске 8-17 (21-30) декабря 1917 г. между сторонниками красных с одной стороны и юнкеров, офицеров и казаков с другой, является одним из первых очагов разворачивающийся в стране гражданской войны. Общее число убитых, замерзших, утонувших, раненых составило более 1 000 человек, в том числе до 200 гражданских, много детей. Было зарегистрировано 568 средних и тяжелых ранений. Значительным повреждением подверглась центральная часть города. Многие здания оказались под артиллерийскими и ружейными обстрелами, охвачены пожарами [1, с. 21-37].

Среди пострадавших объектов значится и знаменитая Ивано-Матренинская детская больница. Она была устроена на средства купцов Базановых в 1895 г. и спустя 10 лет передана в руки городского самоуправления. Это было передовое для своего времени лечебное учреждение, обеспеченное электричеством, водопроводом, рентгенаппаратом. На своих 36 койках больница принимала в год около 750 маленьких пациентов. При больнице существовало 2 заразных барака [2, с. 9-95]. Штат состоял из 5 врачей, 4 фельдшерниц и 50 низших служащих. Среди врачей можно назвать А.А. Каршина, И.В. Ерманович и П.Г. Шнейдермана [3, с. 3].

В официальной истории больницы эпизод эвакуации детей описан следующим образом: «Во время контрреволюционного мятежа, вспыхнувшего в декабре 1917 г., больница стала ареной тяжелых боев между отрядами Красной гвардии и юнкерско-офицерскими отрядами, которые были сосредоточены на территории детской больницы. Старейшие работники больницы, очевидцы событий тех дней, медицинские работники во главе со старшим врачом А.А. Каршиным оставались в эти тревожные, тяжелые дни на своих постах и принимали все меры к спасению детей. Они прятали детей в подполье... 10 декабря (ст. ст.) Военно-Революционный комитет направил в детскую больницу подводы пожарного обоза, на которых больные дети были развезены по квартирам, в Кузнецовскую больницу, а некоторые в частную лечебницу...» [2, с. 95]. Данные скупые строки отражают только часть трагедии, разыгравшейся в Иркутске. Кроме того, есть вопрос и по датировке. Может быть решение и приняли 10 (23) декабря, но реально детей вывезли два дня спустя, ина-

че они не были бы свидетелями пожара пассажа Второва. Последнее обстоятельство стало известно благодаря случайной находке в архиве.

После гражданской войны представители советской власти стали собирать сведения о революционных событиях в каждом регионе страны. Иркутск не был исключением. При партийном архиве был образован специальный фонд. Среди собранных материалов можно увидеть оригиналы и копии делопроизводственных документов, фотографии, письма, автобиографии и воспоминания участников и свидетелей событий революции и гражданской войны. Этот материал еще предстоит осмыслить. Он еще не нашел своего места в историописаниях региона. В массе документов наше внимание привлекла собственноручная запись воспоминаний Надежды Иосиповны Аникиной (в девичестве Коногорской), работавшей в качестве сиделки в Ивано-Матренинской больнице и оказавшейся в эпицентре событий. Автор воспоминаний овладел лишь азами грамотности. Текст изобилует ошибками. О стилистике говорить не приходится. Некоторые места сложны для понимания, требуют расшифровки. Вместе с тем нам представляется описание событий, увиденных рядовым участником, изложенные самобытным языком. При этом воспоминания не содержат явной политической бутафории, свойственной советской эпохе. Правда, в самом начале она отмечает, что участвовала в агитации за большевиков во время выборов в советы. Однако выглядит эта фраза искусственно и с последующим текстом никак не связана. В подтексте скорее чувствуется не политическая позиция, а неудовлетворенность своим социально-экономическим положением.

Итак, наша героиня накануне известных событий жила и работала сиделкой scarлатинозного отделения Ивано-Матренинской больницы. Газета «Свободный край», издававшаяся врачом П.И. Федоровым (он сам когда-то работал в этой больнице), в январе 1918 г. сообщала, что больница оказалась под артобстрелом красных, поскольку рядом располагались казаки. По сообщению летописца Н.С. Романова, это произошло 10 (23) декабря, на третий день боев в городе. Обстрел вели из Рабочей слободы и из дачи Бревновых [4, с. 261]. Притом за все время обстрелов лишь несколько казаков бывало во дворе больницы, но не в здании. Пока действовал телефон, пытались воздействовать на «большевистского комиссара», но он стоял на своем, желая уничтожить казачью сотню, засевшую в больнице и квартире врача [5, с. 4].

«Врачи и сестры ушли из палаты и из больницы, из барака scarлатинозного, оставили детей больных, да сиделок. Под обстрелом боя просидели 7 суток. Порвали электропровода, темно по территории больницы и в палатах со свечами дежурили. Окна в больнице побили, ветер дует, холодно. Я завешивала окна матрасами, чтобы детей не простудить. Я работала под обстрелом боя, рисковала своей жизнью ради де-

тей больных. Не бросила детей до последней минуты. От кровати детей не отходила, укрывала тепло, ухаживала за ними», – вспоминала Н.И. Аникина [6, л. 1].

Попытаемся разобраться в написанном. Фраза о разбитых окнах не вызывает сомнения. Сообщалось, что одних стекол было побито до 500 штук. Дети, конечно, мерзли, были испуганы. То, что сиделки не бросили их, не разбежались, спасая свою жизнь, достойно всяческих похвал. Потухшее электричество также соответствует действительному положению вещей. А вот нахождение под обстрелами 7 суток вызывает сомнения, учитывая, что бои в городе шли 9 суток. Вероятно, память подвела мемуариста. Приходится сомневаться и относительно того, что врачи и сестры сбежали, оставив больных детей и сиделок одних. Вообще в тексте воспоминаний о руководящем составе не сказано ни строчки. Тогда возникает вопрос о том, кто организовывал эвакуацию? Кто договорился о присылке подвод? Более того, Надежда Иосиповна обслуживала scarлатинозный барак, наименее пострадавший. Логично, что именно в нем размещали детей под присмотром сиделок. Именно эту картинку и видел автор приведенных строк. Она не задумывалась, что у врачей были и другие обязанности, поскольку они отвечали за все имущество учреждения, а также за людей. Возможно, что это результат самоцензуры: о бывших людях либо ничего, либо предельно негативно, чтобы вписаться в общий тренд.

Далее Н.И. Аникина сообщает, что однажды возникло перемирие около 2 часов, благодаря чему к ним прислали 2 подводы пожарного обоза для эвакуации детей. Из летописи Н.С. Романова узнаем, что 11 (24) декабря юнкеры предприняли попытку к перемирию, но артиллерия красных нарушила молчание. Вот и подтверждение выдумки про «7 суток под обстрелом». В реальности под обстрелом они могли находиться в больнице с 10 (23) по 11 (24) декабря. Судя по пожару пассажа Второва, эвакуация происходила 12 (25) декабря.

«Приказали собирать детей и эвакуировать в Кузнецовскую больницу. Мы одели детей, что у них было в больнице. Наложили матрасы на сани и подушки. Сложили детей на сани, накрыли одеялами и повезли детей из больницы», – сообщает автор. Попытка обоза с детьми прорваться к Кузнецовской больнице не увенчалась успехом. Их не пустили. Романов пишет, что в городе красногвардейцы стали грабить. «Мы приехали на 1-ю солдатскую улицу, на квартиру Кац. Стучали, стучали. Нам никто двери не открыл. Мы поехали обратно», – пишет Надежда Иосиповна. Иосиф Бенцианович Кац в воспоминаниях Аникиной отнюдь не случайная фигура. Во-первых, он в 1915 г. возглавлял Нагорную амбулаторию, ближайшую от Ивано-Матренинской больницы. Во-вторых, в 1916 г. являлся амбулаторным врачом в детской больнице. Его хорошо

знали, поэтому не удивительно, что при появлении беды обратились именно к нему. Только жил он не на 1-й, а на 5-й солдатской (ныне Б. Хмельницкого). Принять он их в это время не мог. Он, как один из лучших представителей интеллигенции своего времени, старался помогать людям. Доктор И.Б. Кац работал по приему пострадавших на Пестеревской улице (ныне Урицкого), недалеко от своего дома, но наши герои об этом ничего не знали [7, с. 2].

Вторая попытка пробраться в Кузнецовскую больницу также провалилась. Сиделки, видимо, оказались в растерянности. Было уже поздно, темно. Они застряли в городе, в котором идут уличные бои, с больными детьми. Есть от чего впасть в панику. Судя по всему, в дальнейшие события внесли свою лепту возницы пожарного обоза. Они свернули к Хлебному базару (в районе Торгового комплекса).

Далее она писала: «Вышел начальник штаба. Распорядился. Везти их на улицу Преображенскую, где каланча, недалеко от базара. В этом доме они проводили занятия. Привезли нас туда с детьми больными. Дом холодный, нетопленный. Мы составили скамейки вместе друг с дружкой. Наложили матрасы, подушки и детей уложили всех по порядку. Дети голодные, больные, но скоро уснули. Дом затопили 2 солдата. Дом деревянный, 3-х этажный...». Под начальником штаба, видимо, Надежна Иосиповна понимала председателя Добровольного пожарного общества В.В. Жарникова. Сиделки остались с 35 детьми в деревянном доме с двумя солдатами.

В городе в это время было неспокойно. На базаре после грабежей стали гореть лавки купцов. В летописи указано, что в 11 час. вечера загорелся пассаж Второва на углу Харлампиевской (Горького) и Ивановской (Пролетарской) улиц. Н.И. Аникина утверждала, что по пассажи били две батареи с Плишкиной горы, за Ушаковкой, но знать наверняка она не могла. Тем не менее, наши герои тоже видели зарево от пожаров. «Мы попали в самые центры боя с детьми. Дом деревянный. Мы боялись, чтобы невоспламенился. Всю ночь стояли на посту, охраняли детей. Пулеметы строчили и ружейные выстрелы не утихали всю ночь. Дом наш озаряли, летели над домом снаряды», – писала она далее.

На следующий день, 13 (26) декабря юнкеры пошли в атаку, бои сместились в сторону понтонного моста. Значительная часть центра перешла в руки белых. С большим трудом к 2-м часам дня удалось добиться подвод для эвакуации детей. На этот раз, не смотря на обстрелы, обозу удалось пробиться к намеченной цели. В Кузнецовскую больницу со всех сторон везли раненых и убитых. Больных детей передали в бараки дежурному врачу под расписку. Сиделки теперь стали бесполезными и их отпустили на все четыре стороны. Надежда Иосиповна решила пробраться к понтонному мосту и перебраться на противоположный, казав-

шийся ей безопасным, берег Ангары. Она не знала, что в ходе боев в этот день мост разломался и был унесен течением. Дальнейшие ее злоключения к спасению детей никакого отношения не имеют [6, л. 2].

Известно также, что дети из Ивано-Матренинской больницы были развезены по квартирам и в частную лечебницу. К сожалению, мы не обладаем необходимой информацией, но кое-какие логические предположения сделать можно. Н.И. Аникина упомянула, что везла 35 детей, что соответствует числу коек в стационаре. Значит, всех детей вывезли в Кузнецовскую больницу. Между тем эта больница приняла 127 раненых за неделю. Она сама подверглась артобстрелам. Не было надежды на скорое завершение конфликта. В силу этого, видимо, и было принято решение разгрузить бараки от детей. Близлежащей частной лечебницей была хирургическая лечебница доктора медицины Г.А. фон Бергмана на 2-й солдатской (Лапина) улице на 40 коек. Детей могли разместить по частным квартирам близлежащих домов. Об этом в краткой заметке сообщала «Иркутская жизнь» [8, с. 1].

Что касается детской больницы, то она сильно пострадала. В газете «Свободный край» об этом было написано следующее. «В воскресенье, 31 декабря, комиссией из врачей и техников, а также члена управы Н.И. Лютоева произведен осмотр поврежденных детской больницы, с целью выяснения, насколько возможно использование поврежденных зданий больницы в ближайшее время. В настоящее время в больнице помещается уже 17 больных (брюшной тиф, скарлатина и дифтерит) в сравнительно сохранившихся заразных бараках и небольшом крыле главного корпуса. Последний пострадал особенно сильно: в различных его местах зияют огромные пробоины от снарядов – всего в здание попало около 20 снарядов. Повреждения эти настолько серьезны, что едва ли можно думать о исправлении их раньше наступления теплого времени. Если удастся изолировать 2-й этаж, наиболее пострадавший, то есть надежда приспособить для больничного пользования нижний этаж. В ближайшие же дни будет налажена амбулатория (все исправления в ней уже почти закончены), далее отделение для сомнительных больных и смешанных зараз, за исключением некоторой его части, поврежденной снарядом, и оба заразные бараки. Весьма большое осложнение получается с водопроводом, т.к. некоторые его трубы замерзли, а также с прачечной, в которой сильно разрушена теплая сушильня. В ближайшие дни думе будет представлен подробный доклад комиссии со сметой на необходимые исправления. Пока можно только сказать, вставление одних стекол (разбито их до 500 штук) обошлось около 2000 руб.» [5, с. 3-4].

Временно исполняющий должность заведующего здравотделом Иркутской губернии М.М. Эттингер 8 июня 1924 г., при сборе сведений о потерях, нанесенных в годы войны, представил документ, в котором

уточнил некоторые детали. В частности, он отметил, что орудийными выстрелами были повреждены также стены в квартирах медперсонала. Сильно пострадали железные крыши, особенно главного корпуса. Выбито до 300 (?) стекол. Повреждено 20 оконных рам и 25 филенчатых дверей. Ущерб он оценил по ценам мирного времени в 3 тыс. руб. золотом. Кроме того было похищено разного мягкого инвентаря на 1 тыс. руб. золотом (не те ли это матрацы и подушки, о которых писала Н.И. Аникина?). Вдобавок он отметил и людские потери. Погибли две больные воспитанницы приюта, находившиеся в больнице – Ирина Небельсон 9 лет и Тамара Логинова 8 лет, а также две няни Куцых и Донская получили ранение в ноги [9, л. 23]. Столь варварское и бесцельное уничтожение детского учреждения нельзя оправдать никакими благими политическими пожеланиями.

В ходе декабрьских событий 1917 г. в Иркутске сильно пострадала Ивано-Матренинская больница, в то время единственная детская больница на всей азиатской части страны. И хотя она не была уничтожена, как некоторые другие здания, но ее потери исчислялись в ценах 1924 г. 4 тыс. руб. золотом. В результате попадания 20 артиллерийских снарядов сильно пострадали стены и крыша главного корпуса, жилых квартир медперсонала, прачечной. Разморозились трубы водоснабжения, порваны электрические и телефонные провода, не считая мелких повреждений. Около полугода учреждение не могло полноценно функционировать.

В результате обстрелов со стороны красных, начавшихся на третий день боев в городе, погибло два ребенка и ранены две няни. Только после этого началась эвакуация 35 детей в Кузнецовскую больницу. Благодаря воспоминаниям Н.И. Аникиной мы смогли по дням расписать процесс эвакуации, растянувшийся на два дня. Появились ранее неизвестные подробности маршрута движения отряда. Одновременно выяснились новые детали в истории трагических событий в городе Иркутске.

Список использованной литературы и источников

1. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – Москва : Центрполиграф, 2005. – 414 с.
2. Новожилов В. А. Ивано-Матренинская – наследие меценатов: 120 лет Ивано-Матренинской детской больницы / В. А. Новожилов, Е. С. Филиппов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Иркутск : «Оттиск», 2015. – 640 с.
3. Иркутская жизнь. – 1917. – 29 дек.
4. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. / Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
5. Свободный край. – 1918. – 3 янв.
6. Центр документации новейшей истории Иркутской области. – Ф. 393. – Оп. 5. – Д. 25.

7. Сибирь. – 1917. – 30 дек.
8. Иркутская жизнь. – 1917. – 21 дек.
9. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. р-1071. – Оп. 1. – Д. 447.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Author

Vladimir A. Shalamov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor Department of history of Russia, Irkutsk state University, 664025 Irkutsk, Chkalov str., 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru